

Георгий ВЛАДИМОВ:

Труды - 1998. - 7 июля - с. 5

ГРАЖДАНСТВА МЕНЯ ЛИШИЛ АНДРОПОВ

Недавно писатель Георгий ВЛАДИМОВ побывал в Москве. Нашему корреспонденту удалось с ним побеседовать. Мы сидели в гостиничном номере у окна, из которого открывался прекрасный вид на Москву-реку...

— Вы уехали из России, Георгий Николаевич, когда до перестройки оставалось всего три-четыре года.

— Я поехал в Германию 26 мая 1983 года по приглашению Кёльнского университета на один год — читать лекции о русской, советской прозе. В это время были уже, конечно, преследования со стороны госбезопасности, грозил мне судебный процесс и лагерь — за связи с НТС...

— Так ли уж тесны были эти связи?

— Меня же тогда на Западе печатало издательство "Посев". Я был с ним в переписке, ко мне приезжали курьеры за моими рукописями, привозили оттуда литературу — "подрывную". Так что на "дело" набиралось.

И в это время Лев Копелев при содействии Генриха Бёлля устроил приглашение, чтобы вырвать меня из той атмосферы хотя бы на год. Но уже через месяц после моего отъезда Андропов подписал указ о лишении меня советского гражданства, была конфискована моя московская квартира.

И сразу я получил статус политического беженца, которым пользоваться до сих пор. Этот статус уравнивает приезжего иностранца с гражданами страны. Например, дает право на работу, что очень важно в Германии. Единственное, чего я не имею, так это избирательного права.

— То есть вы не можете голосовать на выборах канцлера, в парламент и быть избранным. Вы чувствуете ущемление своих прав?

— Нет, абсолютно не чувствую. Даже если бы я получил немецкое гражданство, то не решился бы голосовать. Потому что это все-таки чужая для меня страна. Зачем же я буду вмешиваться в ее политику?

— Выходит, у вас нет никакого гражданства. А что же вместо паспорта?

— Это некий документ для путешественника, заменяющий паспорт. С ним я могу ездить по всей Европе, брать визы в США и другие страны. Единственное государство, которое относится к моему документу с подозрением, — родная Россия.

— Ваш статус политического беженца выглядит сегодня, согласитесь, несколько странно.

— Меня так и спрашивают в консульстве: кто вас преследует? Конечно, меня уже никто не преследует. Я имею право взять немецкий паспорт, поскольку уже 15 лет там прожил, и он дается почти автоматически. И сейчас я подал документы на немецкое гражданство, после чего смогу взять и российское. Насколько мне известно, это не противоречит российским правилам. Например, Владимир Войнович, Василий Аксенов имеют двойное гражданство, что дает им возможность приезжать в Россию когда хотят, без визы и приглашения.

Я хотел бы жить в России постоянно, но иметь возможность куда-нибудь съездить и не быть связанным с приглашением, поскольку это довольно сложная процедура.

— В конце 80-х — начале 90-х, когда писатели, которых выдавила из страны советская власть, стали приезжать в Москву, их часто спрашивали: вы вернулись навсегда? И возникала неловкость. Человек, которому все пути назад были заказаны, который положил все силы, чтобы устроить свою жизнь в чужой стране и добился там какого-то положения, должен был объяснять, что он не может опять начинать все с начала. А вы хотите вернуться. По-моему, кроме Солженицына, больше и нету таких случаев?

— Пожалуй. Ну, Войнович, по существу, живет в России. Но в Германии выросла его дочь, которая по-немецки говорит, на-

верное, лучше, чем по-русски. Почти у всех там пушенные корни. И вернуться сюда — это, по сути, вторая эмиграция. Тем более что и страна уже не та, из которой ты выехал.

Конечно, я не устаю следить за тем, что происходит в России. Тем не менее, когда приезжаешь и вступаешь на ее почву, возникают сотни мелочей, которые невозможно учесть. И многое непонятно. Например, банковские отношения. Так же непонятно, как устроены средства массовой информации, кому они принадлежат, какова степень их свободы. Неясны отношения бизнеса, кто как разбогател, откуда появились двадцатилетние миллионеры...

Я тут пропустил целую историческую эпоху. Теперь все это надо постигать. И мне кажется, что даже такой зоркий наблюдатель, как Солженицын, все-таки многого не учел здесь и упустил в своем изгнании.

— А в Германии все понятно?

— Да, все ясно — там уже сложившиеся отношения во всех сферах. А здесь я многое расспрашиваю у дочери, и она объясняет, хотя и сама не все может понять. Да ведь и многим живущим в России людям далеко не все происходящее понятно. Идет мучительный процесс обживания новой страны. Я думаю, он будет продолжаться еще долго. Может, года до 15-го нового столетия.

Кстати, и у немцев тоже не так скоро все утряслось после 12-летнего фашизма. А у нас диктатура длилась 73 года, и должны, наверное, смениться два или три поколения, чтобы все забылось, загладили.

А когда произошло объединение Германии, вдруг выяснилось, что по ту сторону стены, в ГДР, образовался другой народ, который часто не находит общего языка с западными немцами. При том что язык-то один. И между ними возникли страшные трения. С одной стороны, две трети Германии — это, как они говорят, "немецкие немцы", а с другой стороны — "советские немцы", которые считают, что им все должно быть предоставлено, раз они находились под гнетом советской оккупации. И часто Коль идет на такие вещи, как, например, уравнивание восточной и западной марки, хотя по своей покупательной способности они далеко не равны. И это вызывает такое раздражение в Западной Германии, что восточных немцев там стараются не брать на работу, даже водителями автобуса.

— Разве это не ущемление прав?

— Конечно, ущемление. Но Германия — свободная страна, и если частный предприниматель не хочет кого-то брать на работу, то и не берет. Он говорит, что немцы из ГДР слишком многого требуют и плохо работают.

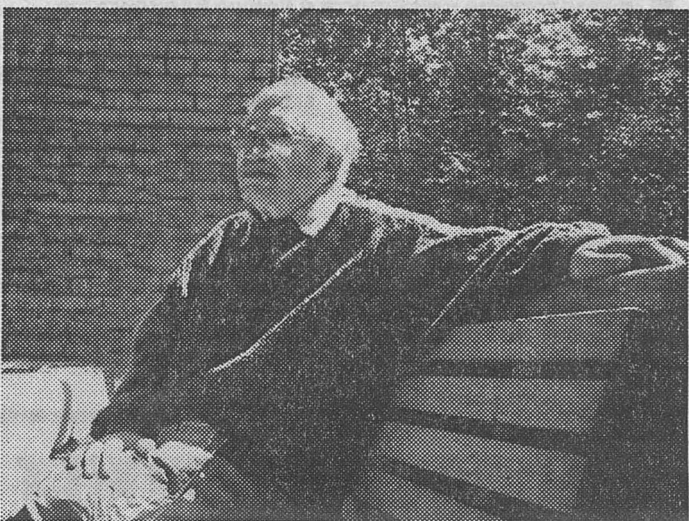
— Каково же тогда отношение к людям других национальностей? У нас, говоря об угрозе профашистских организаций, часто приводят в пример Германию, немцев как нацию, которая смогла осудить фашизм, покаяться и уже никогда не допустить у себя агрессивного национализма. Может, мы плохо знаем, что там происходит на самом деле?

— Да, в Германии появились националистические настроения. Потому что много приезжих — русские, немцы из Казахстана, большое количество турок, пакистанцев... Расслоение существует. Есть даже своеобразная иерархия, можно сказать, национальной ненависти. Больше всего не любят восточных немцев, потом — немцев из Казахстана, затем — турок и на последнем месте — русские. Все-таки перед русскими немцы чувствуют вину за войну.

— А такие организации, как, скажем, Русское национальное единство, существуют?

— Там есть фашисты, и даже оголтелые. Но они очень малочисленны. Не думаю, что их больше 600 человек на всю Германию. Это такие бритоголовые юнцы, весьма ограниченные интеллектуально. В основном вся их идеология сводится к одному: "Германия — для немцев". Они устраивают иногда демонстрации, появляясь в своих черных куртках со свастиками.

— Ну, а власть, как она себя ведет по отношению к ним? Фашизм же запрещен.

— Власть не преследует за убеждения. И запрещена не идеология фашизма, а какие-то конкретные деяния. Например, если они разгромят или сожгут дом турок, то тогда начинается судебный процесс. А так — проводите свои митинги. Кроме того, от них требуют, чтобы за три дня до демонстрации было точно указано ее время и маршрут. И бывает, идут 400 фашистов, а наперез им — восьмисотая антифашистская демонстрация. И полицейский первой пропускает ее. А те ждут и с тротуара им свистят, кричат...

— То есть общество их не боится?

— Да общество их крепко держит в кулаке. Я бы сказал, что общество больше боится левых террористов. Потому что они развивают интеллектуально, вооружены идеями коммунизма, более активны. Но сейчас и их в общем прижали крепко.

— Может, и у нас эти бритоголовые, или, как их называют по-английски, "скинхэды", не так уж страшны?

— Нет, наши страшнее. Потому что немцы не нуждаются в сильной руке. У них так общество устроено, что если будет не Коль, так другой канцлер, но примерно такой же либерал, демократ. А у нас на фоне неустойчивости национализм сочетается еще и с мечтой о человеке, который обеспечит нам порядок. Вот это сочетание фашистских идей с мечтой о диктаторе очень опасно.

— А наши коммунисты? Многие аналитики полагают, что они уже прошли пик своей популярности и их авторитет все уменьшается, тем более что массовые, например, КПРФ обеспечивали в основном пожилые люди, пенсионеры.

— Я-то боюсь другого: коммунисты могут численно увеличиться за счет разочарованной молодежи, безработица, относительное обнищание — все это может привести к тому, что идеи социализма опять станут популярными. Уроки истории быстро забываются.

— Георгий Николаевич, понимаю, что глупо спрашивать, не пугает ли вас наш быт, если вы хотите жить в Москве. Ясно, что в Германии он лучше организован, а здесь вас неминуемо будет раздражать то, от чего вы уже отвыкли. В этот приезд что вас больше всего раздражало?

— Да, быт там так устроен, что о нем особенно не задумываться. Я живу в маленьком живописном городке, который находится в 13 километрах от Висбадена и в 40 — от Франкфурта. В моем доме есть закрытый бассейн с подогревой водой, и я могу в халате спуститься с девятого этажа и поплавать. В общем, жизнь там довольно дешевая, и поместиться с голоду не дадут.

А в Москве я чуть не попал под машину. Вступаю на "зебру", чтобы перейти улицу, и знаю, что поток машин должен мгновенно остановиться. А он старается проскочить мимо меня. Вот это сильно раздражает. Водители здесь не уважают друг друга, пешеходов, пешеходы не уважают водителей. И при таких широких проспектах в Москве невозможно проехать через центр из-за пробок. В Германии такого все-таки не бывает. Но не буду перечислять

здешние проблемы с автомобилями и их водителями — вы их прекрасно знаете.

Существенную разницу я вижу также между российским чиновником и немецким. Да, и тот, и другой любят показать власть. Но власть российского чиновника измеряется количеством действий, которые он может запретить. А немецкий чиновник, наоборот, — может разрешить. Он говорит: это нельзя, но мы подумаем. И непременно в конце разговора что-то вам разрешит, чего на самом деле вроде бы и нельзя. А в России всегда, еще при Щедрине главным было — запретить. И здесь тратится бездна энергии, чтобы пробить простой вопрос. В отношении моей квартиры, например, существует резолюция президента — разобратся и по возможности удовлетворить. Ну и тянется все это...

— Писатель, как сказал Хемингуэй, дело одинокое. И одиночество, наверное, замечательная вещь, когда знаешь, что в любой момент можешь с ним расстаться. А вы ведь один там, в своем городке? Дочь, я знаю, живет в Москве.

— Да, и языком я владею лишь на бытовом уровне. Этого недостаточно для интеллектуального общения, чтобы поговорить "за жизнь"... Ну, есть у меня несколько друзей, скажем, во Франкфурте, примерно раз в неделю мы встречаемся. А так, в общем я один в Нидерхаузене. И хотя люди доброжелательно ко мне настроены, но этот языковой барьер мне не преодолеть — я выехал слишком поздно, в 52 года.

Там, в моем городке — воздушный курорт и самые дорогие виллы у актеров телевидения, адвокатов и врачей. Врачи получают колоссальные деньги, а там, где большие деньги, там нет энтузиазма. В Москве я попал в больницу и увидел человеческое отношение врачей, медсестер, которые месяцами не получают зарплату и тем не менее исполняют свой долг...

— В Германии к больным относятся менее человечно?

— Я бы сказал — да. Отношение более бюрократическое, холодно-вежливое. Не говоря уже о чудовищных врачебных ошибках. Мую жену долго лечили от подагры, смотрели в свои компьютеры и говорили, что диагноз верный, лечение правильное. А у нее был рак. И когда это обнаружилось, было уже слишком поздно, время было упущено... Нет, это ошибочное представление, что лечиться надо только на Западе. Я думаю, что в России уровень медицины выше. И не только медицины.

Беседа велась
Ольга СОЛОМОНОВА.
Фото автора.